

1 мая 2017

7039

«Мы разные, но чувствуем одинаково!»

Фото: rublev.com

Авторы спектакля для незрячих «Потрогай солнце» рассказали о своем опыте создания уникальной иммерсивной постановки, о том, почему они сделали ее по русской сказке, и о сотрудничестве с православной Церковью.

Часто ли мы задумываемся о тех людях, которые живут без привычных для нас органов чувств — зрения, слуха? Даже не о том, чего они лишены, а о том, как воспринимают реальность?

А воспринимают они ее совсем по-другому, нежели мы. Искусство — это отражение реальности, и значит, в этой области особенности восприятия таких людей особенно важны. Как незрячие, глухие и слепоглухие взаимодействуют с искусством? Например, с театром? Есть ли такой театр в России? Оказывается, есть, да еще какой!

Корреспондент Rublev.com **Никита Новиков** побывал на уникальном спектакле для незрячих, который создала театральная компания SmallFish под руководством режиссера **Бориса Фиша** и продюсеров **Марии Смольяниновой** и **Любови Ковалевой**. А после пообщался

с руководителями и членами труппы театра.

Потрогай солнце!

Так называется спектакль. В нем — и метафора, и реальность одновременно. Перед входом в зал мне плотно завязывают глаза, и вхожу я туда, уже не используя глаза как орган восприятия. Я начинаю прислушиваться. Голоса, дуновение воздуха — судя по гулкости, я нахожусь где-то в центре просторной комнаты. И вот звучат голоса, пение. Раздаются звуки, шорохи, скрип. Возникают прикосновения и запахи. Я чувствую... совсем по-другому. Погружение в историю, которую рассказывает спектакль — как будто это происходит непосредственно со мной! Я не зритель и даже не слушатель, а полноправный участник, свидетель того, что происходит!

Вот проехала мимо скрипучая телега, а может быть, я в ней сам и еду?.. Вот ветка хлестнула легонько по лицу — значит, я в лесу? Вот вокруг зашумела многоголосая ярмарка, а в моей руке очутился горячий пирожок. Его можно с удовольствием съесть, прислушиваясь к тому, что происходит дальше! Мир русской сказки, русской деревни оживает в буквальном смысле! Именно поэтому спектакль называется иммерсивным — от английского слова immersion, погружение. И неучастие в этом погружении процесса зрения совсем не помеха — напротив, невольно обостряются остальные органы чувств.

В основе спектакля — история по мотивам произведений русского писателя, этнографа и художника Степана Писахова. Она передает колорит и красоту Севера России и рассказывает о нем с помощью запахов, звуков и тактильных ощущений. Погрузившись в мир новых ощущений, не замечаю, как летит время. А оказывается, спектакль длится почти час! На этом показе незрячих детей нет, а взрослые и дети после за фуршетом делятся впечатлениями. Но лучше самих создателей, наверное, о таком необычном спектакле не расскажет никто.

В беседе приняли участие создатель компании SmallFish и продюсер проекта Мария Смольянинова, продюсер Любовь Ковалева, пиар-директор **Элли Вассерман**, актеры театра и кино **Ксения Зыкова** и **Александр Караваев** — участники спектакля «Потрогай солнце».

Друзья, давайте начнем с самого начала. Как появилась идея сделать театр для незрячих? Вы первые в этом?

Мария Смольянинова: Не первые, конечно. Но в случае с «Потрогай солнце» мы все делали сами, основываясь только на своем опыте. Хотя, безусловно, иммерсивные театры существуют в Европе. Наш режиссер Борис Фиш увидел такой спектакль для незрячих в Эстонии. Мы посмотрели его и решили сделать похожий, но только на нашем материале — на основе русских народных сказок.

Вообще и у нас в России существуют постановки для слепых. Но чаще всего они похожи на радиоспектакль — люди сидят в зале и слушают, что происходит на сцене. Наш же спектакль отличается от остальных тем, что он, во-первых, музыкальный, во-вторых, погружает зрителя в действие и делает его соучастником.

И все находки, которые есть в вашей постановке, вы придумали сами — с листа?

Любовь Ковалева: Да, режиссер и артисты экспериментировали — со звуком и тактильными приемами. Тащили из дома пробки, бутылки, иголки. Ходили по магазинам, по кафе, проверяли, как и что звучит, как что пахнет. Проверяли запахи и ощущения на себе. Например, как изобразить разные понятия — живую воду или мертвую воду из сказки. Мы задумывались о том, как передать эти тонкости невербально.

Вы, наверное, консультировались с дефектологами? Которые много знают о восприятии

незрячих людей.

Л.К.: В этом смысле нам повезло. Когда репетиции вошли в активную фазу, мы стали работать с незрячими тренерами из социокультурного центра «Интеграция», которых мы сажали на репетиции и отрабатывали на них наши опыты. То есть нам помогали даже не дефектологи, а сами незрячие! Также мы очень много общались с незрячими детьми — ведь у взрослых и детей разное восприятие. Мы, как правило, все делаем и проговариваем быстро — и в жизни, и на сцене.

А тут пришлось понять, что у незрячих совершенно по-другому устроено восприятие, по-другому работают чувства. Для них важно задержаться в ощущениях на шумной ярмарке или подольше послушать пение птиц. Потому что эти люди находятся в своей реальности, которая нам, видящим, до конца не понятна.

У кого изначально родилась идея театра, кто собрал труппу?

М.С.: Мы с Борисом вместе и придумали — в разговорах, беседах, обсуждениях. Главное для нас было то, что есть идея — делать постановку по сказке. Идея наша на какое-то время повисла в воздухе, но потом я стала посещать факультатив по созданию своего бизнеса в ВШЭ, делала это просто из интереса, и из интереса подала заявку на конкурс бизнес-проектов. Она называлась «Спектакли о России для незрячих детей». И наша заявка сенсорного спектакля выиграла! И хотя финансирования мы не получили, нас вдохновило то, что нас оценили.

Поэтому, когда мы начали, у нас не было ни копейки, только артисты-энтузиасты — десять человек. Мы сделали огромный объем работы, обкатали спектакль. И в итоге Центр им Вс. Мейерхольда предложил нам сыграть премьеру на их площадке! Это было еще одно признание наших усилий. Мы даже немного гордимся, что наша первая постановка состоялась без всякой поддержки со стороны спонсоров или меценатов. Мы стучали в самые разные двери, но до премьеры мы все тянули самостоятельно.

Почему была выбрана именно русская народная сказка?

Элли Вассерман: Это был принципиальный выбор. Мы понимали, что главная целевая группа спектакля — незрячие дети — практически не мобильны, никуда не могут самостоятельно ездить и живут либо с родителями, либо в интернате. Поэтому у нас возникла задумка сделать четыре сказки по четырем сторонам России.

Мы хотели взять на востоке Алтай, на юге — Кубань и Кавказ, на севере — Архангельск, ну и центральный регион — по городам Золотого Кольца примерно. И таким образом открыть для этих детей географию страны, чтобы они почувствовали колорит, атмосферу разных регионов России.

Пока, как видите, мы выпустили только северную сказку — «Мороженые песни», которая как спектакль получила название «Потрогай солнце». И пока у нас нет постоянного бюджета, мы работаем только с этой постановкой, которая оказалась очень удачной.

А где вы ставили этот спектакль? И какова его аудитория? Ведь, насколько я понял, это не только незрячие дети, но и просто те, кому интересен такой опыт или проблема.

Л.К.: Показы у нас были в самых разных местах — на площадке Центрального детского магазина на Лубянке, в социокультурном центре «Интеграция» для слепых, в Воронеже для детей с особенностями развития, в Минске в православном монастыре, в культурном центре «ЗИЛ». Так выходит, что у нас очень разнообразная аудитория. Прежде всего это собственно незрячие дети — аудитория интернатов, а также подопечные благотворительного фонда «Со-единение», занимающегося проблемами слепоглухих. Во-вторых, это профессионалы от театра, музейщики, искусствоведы, которым интересен наш опыт и реализация идей. И наконец, совершенно разные люди, для которых это какой-то новый опыт или кому этот спектакль интересен как эксперимент. Еще наш спектакль оказывается очень полезным для родителей незрячих детей. А также для волонтеров и педагогов — они начинают лучше понимать, как реагирует человек, когда он в темноте.

То есть «Потрогай солнце» вы презентуете, с одной стороны, как благое дело, с другой — как театральный феномен, интересный продвинутым фанатам театра, взрослым хипстерам?

М.С.: Отчасти так. Но в большинстве случаев все гораздо прозаичнее: мы просто-напросто вынуждены устраивать коммерческие показы. Потому что у нас есть расходные материалы, есть артисты, которые полностью бесплатно работать не могут. И так репетировать на протяжении года трудно, даже с помощью волонтеров. Поэтому мы вынуждены часть спектаклей давать за плату. Иногда мы зал делим пополам — для инвалидов мы играем бесплатно, а обычных людей просим купить билет. Просто потому что театру надо как-то жить.

(Судя по реакции моих детей, девочек 12 и 14 лет, посетивших спектакль, — а они были в восторге — такой театр действительно интересен самым разным людям. Они получают новый опыт — на уровне сознания, восприятия, чувств. — Н.Н.)

Как вы планируете развивать театр? Какие еще планируются постановки? Ищете ли, как привлечь финансирование?

М.С.: Сейчас мы начинаем новый виток — сотрудничество с фондом «Со-единение», защищающим слепоглухих людей. Борис Фиш придумал новый спектакль, который происходит вокруг гончарного круга, с лепкой, с прикосновением к глине — сценарий на основе сюжета о сотворении мира. Он будет отчасти кукольный, отчасти иммерсивно-погружающий.

Еще мы работаем над малой формой — спектакли на планшете, или спектакли-малютки, которые помещаются в коробке. Носочек по имени Жожик ходит из комнаты в комнату, общается, учит детей правилам этикета...Еще один проект — спектакль о пакистанском мальчике Икбале по книге «История Икбала». Он живет в мусульманской стране, при этом является христианином. Это история о его жизни и о том, как он защищал детей-мусульман, которые попали в рабство, а потом они стали его товарищами. Причем сделать мы его хотим в традициях пакистанского театра теней и кукол. Кстати, история подлинная, этот мальчик реально существовал.

Все эти постановки — для детей. Но в дальнейшем мы планируем расширять репертуар, создавать целый продюсерский центр и запускать постановки уже и для взрослых. А также продолжать придумывать и делать прогрессивные спектакли. То есть вообще мы видим нашу задачу не только в том, чтобы театр работал исключительно для инвалидов, которые просто не могут посещать другой театр. Мы стремимся создать такое пространство и такую среду, в которой было бы интересно и тем, кто просто очень любит театр. Иммерсивные, инклюзивные спектакли — это же очень интересный, яркий опыт!

А зачем иммерсивный, сенсорный метод нужен обычным людям, не инвалидам?

М.С., Л.К.: Иммерсивность — метод погружения. Не все люди готовы сразу посмотреть многочасового Фауста, они хотят с чего-то начать. Это возможность потрогать, понюхать, ощутить и лично поучаствовать в предлагаемой истории. Ведь, например, наша кожа — это не мешок для костей, а полноценный орган восприятия! Почему мы должны исключать его? Наша идея проста — мы хотим дать понять людям, что все мы чувствуем одинаково это мир, независимо от физических особенностей. Хлеб — он для всех хлеб, солнце — оно для всех солнце.

Наверное, это можно назвать стремлением к некоему универсальному языку.

М.С.: Да, пожалуй, что так. А как еще людям дать возможность по-другому посмотреть на вещи? Именно поэтому мы объединяем в одном зале и зрячих, и незрячих. Поэтому наши актеры — настоящие профи: они и певцы, и музыканты, и декламаторы. Они должны быть и песком, морем, и смертью, и всем на свете!

У вас в труппе профессиональные актеры? Они играют где-то еще, в традиционном театре?

У нас очень сильная команда, и все потрясающие индивидуальности. У нас есть актеры из Школы драматического искусства, из Театра Моссовета, из Электротеатра, актеры, поющие в мюзиклах. То есть очень богатая палитра актерских индивидуальностей. Отобрали лучших, а выбирали долго!

Обращаюсь к артистам:

Расскажите, как вы нашли или вас нашел театр для незрячих?

Ксения Зыкова: У меня история, наверное, не совсем банальная. Мы с Марией встретились, и когда я поняла, что это спектакль для особых людей, у меня вообще ни минуты сомнений не было по поводу моего участия. Потому что у меня у дочери аутизм. И я прекрасно понимаю ограниченность таких людей в плане общения. И еще много вещей, которые многим непонятны.

Я сразу же сказала «да». И в процессе знакомства с командой у нас не возникло абсолютно никакого недопонимания и трений! Знаете, зачастую в театре бывают такие истории, что все друг на друга «посматривают», конкурируют, ревнуют, но у нас не так. Мы как один живой организм! Нас объединяет общая цель, нас сумели зажечь руководители, нам нравится необычность этого проекта. Он не похож на традиционный подход — когда выучил текст, выполнил установку режиссера, и свободен.

Здесь больше вашей собственной инициативы?

К.З.: Именно! Мы вносим в общее дело свои идеи — начиная с того, как мы изобретаем эти звуки и запахи. Например, знаете сколько веников и других предметов мы перебрали, чтобы услышать, как птица летит?!

Нас невероятно воодушевили отзывы детей, которые приезжали из интерната. И вот эти дети, которые ничего не видят — я в том плане, что к ним никто не приезжает, у них нет ничего, кроме стен этого интерната, — когда они с горящими глазами (которые, может быть, не работают на сто процентов, но горят) бесконечно рассказывали о своих ощущениях! Уже обсуждение вроде закончилось, мы все в слезах от их эмоций, и еще встает девочка и говорит: «А можно еще вопросик? А мы вот ехали, ехали, а где лошадки, где лес? Покажите их нам!» То есть они настолько в это верят! И ты понимаешь, что ты делаешь это не просто так — и если ты принес радость конкретному ребенку или группе детей, то это уже не зря!

Александр Карavaев: Я бы назвал это абсолютной созидательностью. Театр — это люди. Я сам человек, для которого комфорт в коллективе очень важен. Я присоединился к труппе уже после того, как они начали делать постановки. И я сразу же, в первый же день влился в процесс и тоже стал придумывать, хотя для меня это было в новинку все.

Я всегда работал в театре с живым планом, все как обычно. А здесь погрузился в какое-то абсолютно альтернативное искусство. Я его не сразу понял для себя, а потом принял правила игры. Это очень созидательно, это очень благородно. И я всегда очень искренне радуюсь, когда я встречаюсь с этим чистой воды искусством, творчеством.

По ходу спектакля вы выполняете сразу несколько функций — и произносите текст, и поете, и реализуете тактильные и акустические практики. Это какой-то новый для вас опыт?

К.З.: Конечно, ведь театр — искусство коллективное. Нет главных или второстепенных ролей, мы все делаем всё; мы все — лошадь, мы все — лес...

А.К.: Мы все — звенья главного. И когда одно звено выпадает, это уже целая проблема. Такой пробел всегда заметен. Всё держится на одной цепи.

К.З.: Нужно отметить, что также очень важен музыкальный фон спектакля. У нас над спектаклем работал наш музыкальный руководитель Ольга Зрилина. Она брала песни разных регионов России для спектакля, и именно таким образом собрала наш ансамбль в музыкальном его понимании. Она выстроила этот музыкально-звуковой колорит. Ольга всю жизнь занимается фольклором и музыкой, изучает это. Для меня было некоторой приятной неожиданностью, что именно из русского фольклора вы выстроили все эти образы.

К.З.: Я хочу вот что сказать — о единении, которое дает это погружение, иммерсивность. За командой, состоящей из режиссера, пиарщика, артистов, музыкальных руководителей проекта, волонтеров, дизайнера, стоит еще много людей, которые помогали нам ставить декорации, шить повязки на глаза для зрячих детей, рисовали чертежи станков, предоставляли нам свои мастерские. Было огромное количество инициативы со стороны этих людей.

У многих других команд нет такой вовлеченности в деятельность, у них существует определенная дистанция. Мы же позволяем испытать сенсорные ощущения, эффект присутствия. Например, когда мы говорим про мороз, зрителям становится холодно, а когда про солнышко — тепло. Этим мы в каком-то роде и уникальны, ведь наш спектакль — это работа на стыке жанров. И драматический, и музыкальный, и кукольный театр — всё соединено. У нас вообще другой способ существования актеров.

И действие всегда развивается по-разному: оно может прорезать зал, проходить по кругу, играть акустикой, песни могут звучать из разных точек с разным настроением. То есть у нас разная работа с пространством театрального зала, когда действие и звук происходят со всех сторон. Получается что-то вроде 4D-эффекта, мы словно бы охватываем всё. У нас очень много экспериментальных вещей. Мы задействуем все органы чувств.

А театру приходилось выступать и на церковных площадках и вообще взаимодействовать с Церковью?

М.С.: Да, у нас очень интересный и полезный опыт, связанный с сотрудничеством с Русской Православной Церковью. Хочу рассказать, каким, можно сказать, мистическим образом мы попали на православный фестиваль в Белоруссии — «Нябёсы». По-белорусски это значит «Небеса».

Мой друг, выдающийся скрипач Артемий Савченко летел — в небесах! — со спектакля из Перми в Москву, в соседнем кресле рядом с ним сидела одна из руководителей фонда «Со-единение» Ксения Смертина, которая была зрителем на этом спектакле, но Артема не узнала. Разговор начался с княгини великомученицы Елизаветы Федоровны (кажется, у Артема закладка с ней была или книжка) — они оба являются ее почитателями. Разговорились. Потом Ксения рассказала о Фонде, а Артем — обо мне и спектакле для незрячих детей. Ксюше стало интересно, она большой энтузиаст, мы с ней встретились, начали сотрудничать.

А потом Фонд помог нам поехать на фестиваль «Нябёсы» в Минск, который проходил в Елизаветинском монастыре. А у ведь местных детей-инвалидов раньше не было никаких возможностей, чтобы принять участие в таком спектакле. И монастырь, где проходил фестиваль, — Елизаветинский! Еще одно совпадение. Мы считаем, что эти знаки — неспроста. Кстати, Артем и Ксюша тоже продолжили сотрудничество и делают икону княгини Елизаветы для слепоглухих.

В общем, это был замечательный опыт. То есть мы вообще не ставили специально такой задачи — найти контакт с православными. Но поскольку среди них много действительно равнодушных людей, то это получилось само собой. В монастыре нашими зрителями были батюшки, монахи — наравне с детьми. Мы жили прямо в монастыре, в монастырской гостинице. В общем, мы чувствуем, что православие — это среда, с которой мы находим общий язык. И мы этому очень рады. Тому, что можем вместе делать добрые, благие дела. Как сказала нам Ксения: «У Бога нет других рук, кроме наших».

Материал с сайта Rublev.com